

Мозг Лю Гуюя словно завис - он отчаянно пытался «перезагрузиться».

Рядом Цуй Ланьфан всё так же мягко похлопывала его по руке и, тяжело вздыхая, начала говорить:

— Эту бумагу следовало отдать тебе ещё раньше... просто тогда я только получила весть о далане...

На этом месте её глаза снова покраснели, голос задрожал. Она тихо вытерла слёзы рукавом и продолжила:

— Тогда у меня и мысли не было заниматься этим... теперь уже прошло полмесяца, вот и решила поговорить с тобой об этом.

Немного помолчав, она снова похлопала его по руке и сказала:

— Далан столько лет был вдали, я всё думала - вернётся, тогда и сыграем вам свадьбу... кто ж знал... эх... его теперь нет, а ты ведь ещё молод. Я не могу тебя задерживать.

Лю Гуюй молчал - он вспоминал ту самую книгу. В романе Цуй Ланьфан умерла очень рано, оставшись лишь вскользь упомянутой под безличным «его мать, Цуй-ши». Там её описывали как наивно-добрую, мягкотелую, легко поддающуюся чужому влиянию - образ, честно говоря, не слишком приятный.

Но сейчас, глядя на неё, Лю Гуюй невольно вспомнил директрису приюта, которая когда-то спасла его: у той тоже было большое сердце, она относилась ко всем детям как к родным.

Дети семьи Цинь были красивы - это всё от матери; но после того, как ей пришлось пережить смерть сына, всего за полмесяца она будто постарела на десять лет, и в её волосах заметно прибавилось седины.

Видя, что Лю Гуюй молчит, Цуй Ланьфан продолжила уговаривать:

— Если честно, когда ты вошёл в дом, далана уже не было, так что ваш брак - словно детская игра, его и браком-то назвать трудно.

Тут Лю Гуюй наконец пришёл в себя: он резко сжал её руку и воскликнул:

— Мама! Так нельзя!

Он ведь только-только наметил в Цинь Жунши перспективу, ещё и не успел его «взрастить», как можно сейчас уходить!

К тому же, хотя в государстве Даюн и позволялось женщинам и гэрам заводить отдельное хозяйство, условия были крайне жёсткими, да и ограничений хватало; у него не было ни связей, ни опоры. Уйдя из семьи Цинь, куда ему идти? Возвращаться в семью Лю? Но Люсюцай давно умер, а в доме остались лишь мачеха и сводный брат.

Подумав об этом, Лю Гуюй сразу надул губы и, изображая обиду, заговорил сквозь «слёзы»:

— Мама... ты хочешь меня прогнать? Как я теперь буду жить, если вернусь в родной дом? Мачеха меня не любит... там ещё и сводный брат... хоть мы и считаемся братьями, но ведь не от одних родителей, жить вместе всё равно неудобно. И потом, далан только-только умер, если я сейчас уйду из семьи Цинь, что люди в деревне скажут? Ещё за спиной начнут ругать, мол, бессердечный и неблагодарный!

После этих слов Цуй Ланьфан и сама почувствовала, что всё это действительно не слишком уместно. Она сжала в руках пожелтевший лист, нахмурилась и нерешительно сказала:

— Это... но всё-таки...

— Никаких «но»! — поспешно перебил её Лю Гуюй. — Мне и так хорошо! Я не хочу возвращаться в семью Лю! Моего отца уже нет, там для меня нет ни одного близкого человека! Мама, ты не можешь меня бросить!

«Мое золотое бедро! Я ведь ещё даже зарабатывать не начал! Нельзя же бросать дело на полпути!» - вопил он про себя.

Увидев его настойчивость, Цуй Ланьфан больше не стала возражать, наоборот, в её душе появилось облегчение. Она улыбнулась, взяла его за руку и всё же вложила ему тот самый документ:

— Гуюй, остальное не важно, но это ты всё-таки возьми. Я тебя не гоню - живи здесь, а когда однажды встретишь мужчину, который тебе по душе...

Она не договорила, лишь на её лице появилась многозначительная улыбка.

Лю Гуюй: ...

Мужчину?! Какого ещё мужчину?

Да какие мужчины? Деньги куда важнее!

Тем не менее, в конце концов Лю Гуюй всё же принял это «письмо о разводе», аккуратно сложил его пополам и спрятал под подушку.

□□*

Прошло ещё несколько дней, но погода нисколько не стала прохладнее. Семья снова сидела за маленьким столом и грызла лепёшки из диких трав. В это время года трав уже не так много, как весной, но если постараться, в горах всё же можно набрать целую корзину.

Вот уже несколько дней подряд они только их и ели: позавчера - холодную закуску из трав, вчера - травяной суп, сегодня - лепёшки из трав. Лю Гуюй уже сам стал зелёного цвета.

Как ни крути - всё упиралось в деньги, вернее, в их отсутствие.

Лю Гуюй едва не плакал: в его глазах отражалось лишь одно слово - «бедность», и с одной стороны, и с другой всё была «бедность».

«Жизнь поцеловала меня болью, но я же не давал на это согласия! Это же чистой воды домогательство!!!»* - ворчал он про себя.

(ПП: Это перефразирование известной поэтической строки с иронично-возмущённым подтекстом. Оригинал: «Жизнь поцеловала меня болью, а я ответил ей песней» (то есть, несмотря на страдания, человек сохраняет оптимизм и творит прекрасное).)

Так дальше продолжаться не могло, нужно было идти в городок и искать способ заработать. Подумав об этом, он быстро дожеввал сухую, царапающую горло лепёшку и сказал:

— Я хочу сходить в город, заодно продать тьянма, что Баньбань обработала.

Все за столом услышали его слова. Цуй Ланьфан кивнула и серьёзно сказала:

— Иди. Я потом дам тебе немного денег - купи мяса. Соль в доме тоже почти закончилась, нужно будет взять.

Когда она заговорила о мясе, на мгновение заколебалась, но затем подумала, что семья давно не ела ничего жирного, и сэкономленные гроши всё равно не решат больших проблем, лучше уж порадовать детей.

Услышав о мясе, Цинь Баньбань тут же широко раскрыла глаза, они засияли, как звёзды. Она, обняв чашку, закивала и медленно сказала:

— Хорошо, хорошо.

Цинь Жунши тоже подал голос:

— Я пойду вместе со старшей невесткой.

Услышав голос Цинь Жунши, Лю Гуюй, держа чашку, украдкой покосился на него, пытаясь уловить хоть какие-то эмоции на его лице.

Что это значит? Неужели он боится, что я снова утащу деньги и сбегу?

Лю Гуюй тихо про себя усмехнулся. И подозрение было не без причины: во всей семье только у Цинь Жунши хватало проницательности. Характер прежнего хозяина тела был не из приятных, но Цуй Ланьфан словно этого не замечала и всё так же относилась к нему, как к родному ребёнку. Цинь Баньбань, видно, пошла в мать - даже когда прежний хозяин тела гонял её по мелким поручениям, она не сердилась и всё так же сладко звала его «старшая невестка».

Только Цинь Жунши всё время держался настороже - именно он первым заметил, как прежний Лю Гуюй пытался украсть деньги и сбежать. Подумав об этом, Лю Гуюй доброжелательно улыбнулся ему и, подражая интонации Баньбань, нарочно мягким голосом сказал:

— Хорошо, хорошо.

Цинь Жунши невольно нахмурился и даже чуть отстранился; выражение его лица трудно было понять - то ли это было отвращение, то ли что-то ещё.

Так всё и решили, и на следующий день рано утром Лю Гуюй и Цинь Жунши отправились в путь - в город.

Город над деревней Шанхэ назывался Фушуй; через него протекала река Даньшуй, которая затем шла через окрестные деревни: выше по течению находилась как раз деревня Шанхэ, ниже - Сяхэ.

Они шли пешком. В древности не было часов, а Лю Гуюй и вовсе не умел определять время по солнцу - он только знал, что идёт уже очень и очень долго, до такой степени, что у него «семь отверстий дымятся» (изнемог от усталости).

Когда он уже был на грани того, чтобы рухнуть от усталости, впереди наконец показались городские ворота. Он будто ожил, поправил соломенную шляпу на голове и, обернувшись к Цинь Жунши, воскликнул:

— Эрлан, пришли! Давай быстрее внутрь!

Цинь Жунши ничего не сказал, лишь кивнул.

Они вошли в город. Сначала направились в ту самую аптеку, о которой говорил лекарь Вань, и продали тяньма из корзины. Врач Ли из «Цяньцзиньтана» и впрямь оказался человеком добрым и честным - не стал сбивать цену, а даже дал на несколько десятков вэнь больше, чем ожидал лекарь Ван.

Он взял несколько корней тяньма, внимательно осмотрел их и похвалил:

— Неплохо, хоть видно, что рука ещё неопытная, но обработано очень достойно.

С этими словами доктор Ли передал тяньма ученику, велел убрать их на хранение.

Лю Гуюй, придерживая корзину перед собой, с улыбкой ответил на похвалу:

— Это моя младшая сестра обработала.

Услышав это, доктор Ли оживился - сначала он говорил из вежливости, но теперь в его голосе прозвучало настоящее удивление:

— Твоя сестра? Сколько же ей лет, раз у неё уже такие умения?

Лю Гуюй бросил взгляд на стоящего рядом Цинь Жунши и ответил:

— Тринадцать.

Глаза доктора Ли загорелись ещё ярче, а похвала стала куда искреннее:

— Хорошо, очень хорошо! Вот бы у моего ученика были такие способности, я бы и во сне от радости просыпался! Только жаль, что это девочка... эх...

Спасибо, последнюю фразу можно было и не говорить.

Лю Гуюй сухо усмехнулся, принял от него двести с лишним вэнь, поблагодарил и развернулся к выходу. Уже у двери он всё ещё слышал, как доктор Ли отчитывает ученика, с досадой в голосе:

— Посмотри на ту девчонку! Ты учишься год-два и всё равно хуже маленькой девочки!

Лю Гуюй: ...

Он незаметно взглянул на молчаливого Цинь Жунши рядом, опасаясь, что тот может почувствовать себя задетым.

Тогда он нарочито весело сказал:

— Видишь, нашу Баньбань даже городской лекарь хвалит! Вот заработаем денег, отправим тебя дальше учиться, а Баньбань - медицине. Может, у нас в семье ещё один врач появится!

Цинь Жунши нахмурился и бросил на него серьёзный, внимательный взгляд, словно пытался понять, искренни ли его слова. Лишь спустя некоторое время он сказал:

— Ни одна клиника не возьмёт девочку в ученицы.

Слова доктора Ли, пусть и неприятные, были правдой. Во всём Фушуге не было ни одной клиники, где согласились бы обучать девочку врачебному делу.

Лю Гуюй запнулся, но тут же снова улыбнулся и похлопал Цинь Жунши по плечу:

— Эх, о будущем потом подумаем! Сейчас главное - заработать деньги!

Сказав это, он передал ему деньги, вырученные за тяньма, и, похлопав по другому плечу, добавил:

— Это Баньбань сама заработала, своими умениями. Ты отнесёшь ей.

Несколько корней тяньма принесли больше двухсот вэнь - для бедной деревенской семьи это была совсем не малая сумма. Цинь Жунши не ожидал, что Лю Гуюй так просто передаст деньги ему, и на мгновение замер, но тот уже подтолкнул его вперёд.

Затем они купили соль и немного мяса. Денег в доме не хватало, поэтому Лю Гуюй не решился брать много - попросил мясника отрезать всего полцзиня.

Когда всё необходимое было куплено, у него появилось желание попробовать начать какое-нибудь небольшое дело, и он стал бродить по улице, приглядываясь.

Фушуй был всего лишь небольшим городком, но довольно зажиточным и оживлённым - людей много, и среди них немало одетых в шёлка, явно не бедных. Если готовить еду на продажу, должно пойти. Осталось только как следует «изучить рынок»: присмотреться и прикинуть возможности.

В Фушуге выбор еды оказался довольно богатым: паровые баоцзы, вонтон, лепёшки, сахарные

картины, тангулу, жоуцзямо...

Большинство таких лавок располагалось на восточном рынке - самом оживлённом месте городка, где были и развлечения, и лавки с тканями и одеждой, и чайные, и рестораны; все, кто выходил «в люди», обычно направлялись именно сюда.

Лю Гуюй прошёлся вдоль рядов, приглядываясь, и в конце выбрал одну из самых людных лавок, купив порцию танъюгоцзы, чтобы попробовать вкус. Ведь в деле нужно «знать себя и знать противника».

Он достал деньги и крикнул:

— Хозяин, одну порцию танъюгоцзы!

У прилавка толпилось немало людей, но торговец, не поднимая головы, громко и бодро отозвался:

— Сейчас будет, подождите немного!

Вскоре ему протянули горячий свёрток в промасленной бумаге.

— Одна порция - четыре вэня!

Лю Гуюй заплатил и заглянул внутрь: шесть шариков, обжаренных до золотистой корочки, политых сиропом и посыпанных кунжутом - выглядело аппетитно.

Он попробовал один.

Из-за дороговизны сахара хозяин, видно, не стал щедро добавлять сироп - сладость вышла слабоватой, но текстура была неплохой; в целом ничего выдающегося, но и не плохо.

Лю Гуюй мысленно так и оценил. Съев один, он протянул оставшиеся Цинь Жунши, весело сказав:

— Попробуй, всё-таки не каждый день сюда выбираемся.

Но Цинь Жунши не стал есть, лишь посмотрел на него странным взглядом, будто хотел сказать: «У нас дома и так мало денег, тебе этого мало?»

Лю Гуюй: ...

Он отвёл взгляд, затем как бы невзначай обратился к хозяину:

— Хозяин, у вас и правда вкусные шарики! Вы каждый день здесь торгуете? Если в следующий раз захочу купить, вас можно будет найти?

Тот по-прежнему не поднимал головы - работы было слишком много - и лишь ответил:

— Конечно! За место ведь платим, если день не торговать, один убыток, так что я тут каждый день!

Но, договорив, он вдруг замер, поднял голову и посмотрел на Лю Гуюя, после чего добавил:

— Хотя через несколько дней будет храмовая ярмарка, тогда народу станет куда больше. Все ближайшие торговцы туда переберутся! Если пойдёшь гулять, не забудь заглянуть ко мне за сладостями!

<http://bllate.org/book/17177/1610840>